

Н.Г. Краснодембская

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИНГАЛОВ О СЛОНЕ (бытовой и символический аспекты)

У сингалов (основного населения Шри Ланки), как и у других народов Южной Азии (например, в Индии и Непале), символически осмысляются и почитаются многие животные и птицы. В этом широком культурном ареале существует много исторического сходства и генетического родства, в том числе и в аспектах отношения к различным животным. Тем не менее, обнаруживается немало своеобразия в различных этнических традициях, и более пристальное их рассмотрение приносит если не открытия, то нечто новое в определенных частностях и оттенках.

Слон — характерное и типичное для Южной Азии животное, издавна используемое в обыденной и ритуальной жизни ее народов. В Шри Ланке это особенно заметно: здесь нередко можно увидеть слона на улицах или на дорогах, во дворе частного дома или за монастырской оградой. Слоны отчасти используются в хозяйственной жизни для переноски тяжелых, исполнения определенных операций в строительстве, при расчистке джунглей или на лесоповале, требующих большой физической силы. Однако владение слоном скорее престижно, чем вызвано деловой необходимостью. Хозяева слонов обычно состоятельные граждане, возможно, даже знатные. И это, несомненно, связано с царственным аспектом владения этим животным. Исторически в Южной Азии именно цари ездили на слонах, содержали слоновники и армейские части из боевых слонов. Иногда слонов использовали в качестве палачей: подобное наблюдал в середине XVII в. англичанин Роберт Нокс, пленник сингальского царя Раджасинхи II. Неугодных царю людей бросали под ноги слонам, чтобы те их растоптали [Нокс 2007: 94, 206 и др.].

Однако ухаживают за слонами, как прежде, так и теперь, специальные люди (как у нас принято говорить — погонщики слонов), для которых это наследственная профессия. Они же время от времени занимаются отловом диких слонов и их приручением. В Шри Ланке также имеется слоновий цирк для развлечения местных жителей и туристов. К одомашненным слонам относятся с огромной любовью и очень бережно, потому что при всей своей мощи это животное весьма уязвимо, подвержено серьезным травмам

и требует внимательного ухода. Поэтому слоноеведение и слонолечение являются важными разделами местной традиционной ветеринарной науки, для изучения которых есть даже отделения в университетах. Существуют особые пространные трактаты, посвященные анатомии, пищеварению, типичным болезням слонов и способам их излечения. Жители острова как могут заботятся и о диких, и о лесных слонах, существованию которых тоже может угрожать немало опасностей. В частности, люди подбирают потерявшихся или оставшихся без родителей слонят и даже создают для них специальные приюты.

От диких слонов может исходить и угроза: они могут потравить или вытоптать посевы и посадки, лишит земледельца с трудом выращенного урожая. Чаще всего это происходит при негативных состояниях природы (например, во время засухи) или от других причин слоньего «стресса» (к примеру, в пору течки у самок). Известно, что слонами время от времени овладевают приступы бешенства. Поэтому для подобных случаев предусмотрены способы охраны и борьбы с враждебными выпадами животных.

Даже одомашненные слоны не являются абсолютно безопасными для человека. Поэтому на них нередко надевают цепи, в некоторой степени ограничивающие их движения, и у погонщиков слонов всегда под рукой имеются кроме известного крюка для управления движением животных еще и внушительного вида ножи, а то и другое оружие. Ради безопасности в шествиях собирают лишь однополых особей (обычно самцов). На шею домашнего слона нередко можно увидеть цепочку с порядочного размера колокольчиком. Возможно, психологически этот своеобразный ошейник тоже дисциплинирует животное.

Высоко ценятся самцы с крупными бивнями. Именно их используют в обрядовых мероприятиях на «главных ролях», например для вывоза в торжественных процессиях важнейших религиозных символов и реликвий. Такие особи достаточно редки (у самок вообще бивней не бывает). Местные жители считают, что прежде слоны с крупными бивнями встречались на Ланке чаще, но так как в эпоху европейских колонизаторов именно такие особи были вожаками объектом любителей охоты из числа заморских хозяев острова, то они были практически истреблены. А у последующих поколений слонов отсутствие выдающихся бивней стало как бы защитной генетической особенностью выживания. Может быть, генетика сказала просто в том, что после такого своеобразного слоньего «геноцида» некому уже было передавать по наследству такие особенные признаки, как мощные бивни? Но это уже вопрос к биологам.

Характерным элементом культурной (религиозно-обрядовой) жизни сингалов являются традиционные праздничные шествия с участием слонов (число их нередко исчисляется десятками), на которых вывозят священные реликвии и атрибуты, связанные с основным вероисповеданием сингалов — буддизмом и народным культом богов-покровителей. Для подобных процессий используют тех животных, которые принадлежат са-

ним буддийским монастырям (если таковые имеются), а также тех, которых предоставляют для обрядовых целей жители окрестных (иногда даже и достаточно удаленных) селений. Такие шествия по-сингальски называются *перахьяра*, и наиболее знаменита из перахьяр та, которая устраивается летом в известном на весь мир Храме Зуба Будды («Далада Малигава») и посвящена этой важной буддийской реликвии. На слонах в процессиях выезжают также некоторые жрецы с теми или иными атрибутами в руках. Выезжали бы и цари, но их нет в Шри Ланке с 1815 г., когда под натиском колонизаторов-англичан пало последнее сингальское царство. Но, кстати, наряды жрецов напоминают старинные царские.

Мне посчастливилось наблюдать одну из перахьяр летом 1988 г. Надо сказать, что в месяц эсала (он приходится на июль-август) во многих монастырях и храмах проходят перахьяры главным образом в честь богов-покровителей. По-видимому, глубинный смысл праздника связан с древней календарной символикой: в них проявляется заклинательная практика, связанная с дождем, плодородием, защитой от злых сил. Видимо, не случайно он и приурочен к началу осеннего муссона. Самый торжественный ритуал этого праздника закрепился в храмах Канди и Катарагамы: в упомянутом Храме Зуба Будды в бывшей горной столице последнего сингальского царства и на юге — в храмовом комплексе, связанном прежде всего с именем бога Катарагамы-Сканды. Именно эти перахьяры собирают наибольшее количество паломников и зрителей, в том числе зарубежных. Главной особенностью кандийской перахьяры, как уже упоминалось, является «вывоз» в праздничной процессии важнейшей мировой реликвии буддистов — Зуба Будды, а праздник Катарагамы особенно знаменит танцами верующих на огне в честь этого могущественного и грозного божества (по происхождению это индусское божество, но его почитают и сингалы).

К сожалению, поездка на юг острова в тот год была невозможна из-за действий террористов. И программы кандийской перахьяры (празднества длятся дней десять и начинаются в разных местах в разное время) уже подходили к концу. Да и были кандийские торжества в то лето несколько омрачены и сокращены из-за смерти главного слона Раджи, который возил на себе важнейшую святыню; умер он неожиданно 51 года от роду, и ему еще не было замены. Потом подобрали хорошего слоненка, чтобы растить его для этой роли в будущем. Сам президент страны в те дни кормил его ананасами и бананами (что показывали по телевидению). А из умершего слона было решено сделать чучело.

Мое огорчение в связи с такими событиями и сетования на судьбу были услышаны и приняты во внимание чуткими, что вообще свойственно ланкийцам, сингальскими коллегами. И вскоре я получила приглашение посетить эсала-перахьяру в Беланвилле, недалеко от Коломбо. Это тоже один из старых монастырей — ему насчитывалось уже около 100 лет, а по легенде, на том же самом месте существовал монастырь еще в древние времена. Сама перахьяра в Беланвилле более «домашнего» свойства, посещается

главным образом жителями района. Однако, замечу, что и Беланвилльской перахере было уделено внимание местных СМИ. Для меня преимущество заключалось и в том, что удобства для наблюдения за процессией здесь мне были обеспечены просто невероятные: я могла стоять и даже сидеть у калитки дома родственников моего бывшего аспиранта, а шествие должно было проходить прямо по их улице. Меня пригласили посмотреть самое торжественное ночное шествие, а также заключительные ритуалы следующего дня.

У самых монастырских ворот (мои спутники и я подъехали туда на машине, чтобы уточнить некоторые детали ночной программы) нас настиг сплошной, обильный дождь (был как раз сезон дождей). Сквозь потоки воды, лившейся по стеклам автомобиля, мы смотрели, как за дорогой в роще несколько слонов, видимо, будущие участники шествия, подкреплялись ветками китуловой пальмы (это одно из любимых их лакомств). До вечернего ритуала, как оказалось, оставалось часа четыре. Ожидать его начала мы отправились в дом пригласивших нас людей.

Около десяти вечера (темнота наступила уже сразу после шести часов) послышался бой барабанов, и мы отправились на наблюдательный пункт. Там собралась уже порядочная компания гостей (в основном родственников). Особенно много было, конечно, детей: они уже заранее «опробовали» места наверху белого каменного забора, мальчишки — еще и на деревьях. Мне предложили стул возле калитки. Конечно, наблюдать шествие так близко ни в Канди, ни в Катарагаме я бы не смогла.

Но вот стал приближаться отдаленный бой барабанов. Все высыпали к калитке. Пошла перахяра. Первыми шли факельщики: их было немного, они крутили в воздухе палки с горящими на обоих концах факелами. Шли буквально на расстоянии вытянутой руки от меня — улица была неширокая, так что, когда потом шли слоны, приходилось слегка отступать поближе к калитке, чтобы не помешать им пройти. За факельщиками следовали барабанщики с «чистыми» (в магическом смысле), праздничными барабанами *магул-бера* и праздничной же (ритуальной) «дробью». Следом шли мальчишки в танце с палочками (*ли-кели*), взрослые кандийские танцоры. В костюмах у всех участников этого шествия главными цветами были белый и красный. Это был так сказать «пролог», как бы «очищающий» путь перахяре.

И вот явились наряженные слоны: на первом везли изображение Будды. Затем появилась светящаяся надпись «Беланвилла эсала-перахяра», над ней — кольцо (судя по всему, символ буддийского «Колеса Закона») с бегущими огоньками, как бывает в ночной рекламе. Далее на «главном» слоне, покрытом белой сверкающей попоной и с серебряными наконечниками на внушительного размера бивнях (весь он так и сиял и переливался), везли важнейшую реликвию монастыря — серебряную ступу. Боги-покровители были представлены в процессии и атрибутами, и персональными изображениями. Какие-то из этих предметов также везли на слонах, другие несли люди. В шествии принимали участие жрецы культа богов-покровителей (*капуралы*), а также монахи. Последние шли следом за слоном, везшим

ступу. Жрецы же частью также шли пешком, а двое (самых важных) ехали на слонах: один при этом держал в руках некий священный текст — рукопись на пальмовых листьях, а другой — меч, которому отводилась важная роль в одном из важнейших последующих ритуалов праздника — «разрезании воды» (*дия-кяпима*); этот ритуал был намечен на середину завтрашнего дня. Двигались также слоны без ноши, но нарядно украшенные, в сопровождении погонщиков. Дети насчитали 31 слона, всего же, как говорили на следующий день в монастыре, в ритуалах участвовало 50 слонов. Большинство слонов для перахяры предоставили их хозяева — верующие миряне; но, видимо, принимали участие и слоны-артисты слоновьего цирка, который существует в зоопарке Дехивала, расположенном очень близко к месту проведения описываемого мероприятия. Некоторые из слонов плясали под музыку, звучавшую непрерывно.

Конечно, я описываю только ту часть (вернее, те части) процессии, где участниками были слоны; вообще же там были и еще разнообразные танцоры, музыканты, артисты народного театра в масках, а также персонажи различных народных культов более низкого уровня, чем культ богов-покровителей.

До следующих ритуалов можно было поспать часа четыре. А затем снова мы отправились в монастырь, там шла понемногу подготовка к дневной перахяре, которая и должна была закончиться ритуалом «разрезания воды». Кое-где на территории монастыря еще лакомились китуловыми ветками слоны, других слонов украшали. Появлялись барабанщики, танцоры в соответствующих костюмах. Некоторые слоны уже отработали свое, они получали награду — охапку листьев китуловой пальмы — и уходили (некоторые совершенно самостоятельно, без сопровождения людей, видимо, отлично зная дорогу домой).

Но вот начала выстраиваться процессия. В воротах слоны долго стояли гуськом, и я могла их подробно рассмотреть: удивительно симпатичные существа, так и хотелось их погладить, но не решилась. Под подбородком в сбруе у них висело по два солидного размера колокольчика, погонщики придерживали животных за довольно толстые и тяжелые цепи; в руках у них были длинные копыя, у некоторых — ножи за поясом, крюки. Слонам совершенно явно было скучно стоять, они переминались с ноги на ногу, смешно закладывая нога за ногу, отдыхая.

Наконец двинулось завершающее шествие — с части слонов уже сняли украшения, а с некоторых и нарядные попоны. Проводив перахяру за ворота, мы сели в автомобиль и поехали в обход шествия, чтобы встретить его снова, уже у реки. Главным в этой процессии был капурала храма Вишну (он тоже находился на территории монастыря). Этот жрец держал в руках неширокий меч острием вверх. Не доезжая до воды, капурала остановил слона, слез с него и дальше пошел пешком, все так же неся меч острием вверх. У самой воды был выстроен алтарь из стволов молодого банана, зеленых листьев пальм и другого растительного материала. Здесь наличествовали все главные магически чистые дарующие благо символы:

кувшины с водой, цветы кокосовой пальмы, чьи соцветья напоминают рисовые колосья, горел огонь в светильнике. Жрец, отдав меч ассистентам, стал дуть в белую раковину (так призывают богов) — получился довольно громкий звук; читал молитвы. У берега уже стояла «лодка» (на деле нечто вроде плота) с каabinкой, сооруженной из шестов и занавешенной со всех сторон тканью. Жрец, вновь взяв меч в руки, и его ассистенты сошли к воде, перебрались на плот и отплыли (отталкиваясь шестами) на значительное расстояние от того места, где стояли на берегу зрители, чтобы совершить этот тайный ритуал. Видеть его было невозможно из-за занавесок и спин жрецов. Однако удар мечом по воде был, видимо, достаточно сильным, так как на водной поверхности от плота разошлись небольшие волны.

Собственно, все обряды на этом закончились. На берегу мальчишки разносили зрителям стаканчики с водой, приправленной желтым соком. Возможно, это тоже был ритуальный момент. Чуть вдали двое слонов ожидали своих хозяев: один слон купался в водоеме, другой — с аппетитом щипал траву.

Но это был еще не конец праздничной программы. Нам сказали, что в монастыре проведут несколько заключительных ритуалов. И там действительно еще обносили серебряную ступу вокруг самого монастыря (уже без участия слонов; один из мирян нес ее на голове). В храмах богов-покровителей танцевали перед изображениями божеств. На крыльце храма Вишну был устроен гадательный ритуал «кипячения молока». Молоко наливают в глиняный горшок и стараются вскипятить на определенном количестве топлива — тут нужны известная сноровка и хороший расчет. Если молоко вскипит и убежит — это хороший знак на целый год для всех. Так оно в тот раз и было.

В конце возле крыльца здания, отведенного для жилища монахов, был устроен еще один особый «очистительный» ритуал с участием, к моему удивлению, жрецов культа не только богов-покровителей, но и демонического. Шаман, держа по пучку веток манго в обеих руках, обходил всех присутствующих. Держа ветки за обвязанные красной тряпочкой черенки, он обмахивал ими каждого начиная с главного монаха (позднее и толпу зрителей) по рукам и ногам сверху вниз, перед монахами иногда вставая на колени. Изредка он делал и как бы благословляющий жест, то есть «снял», «удалял» все дурное, зло, а также, как мне объяснили, усталость — ведь устройство перахьяры отнимает много сил. Позже подвели к крыльцу и слона без попоны — того, главного, который вез ступу. Оказалось, что лоб и «нос» у него светло-розовые, в крупных коричневых пятнышках, точно в веснушках. А на его огромные бивни, теперь без наконечников, смотреть было жутковато: один из них чуть не подмышкой у меня прошел, так как слон совсем незаметно вошел своей тихой поступью в толпу зрителей и стоял бок о бок со мной. Шаман и со слона «снял зло и усталость», обмахнув его по хоботу ветками манго в направлении также сверху вниз. Возможно, этот эпизод со слоном был нововведением, навеянным неожиданной гибелью кандийского Раджи. Кстати, когда я была в беланвилльском монастыре в другой раз, то застала кормление местным главным монахом

молодого слона, тоже розовоносого с веснушками (ему давали бананы). Возможно, это был отпрыск того, главного. Кажется, этого юного звали тоже Раджа. Во всяком случае, он откликнулся на это имя, приподняв одно ухо и хвост, когда чуть позже я обнаружила его купающимся в бассейне, где он лежал на боку как бревно, а я хотела его сфотографировать.

Знакомый монах рассказал мне, что иногда с участием слона проходит и важный буддийский обряд *упасампада* — посвящение буддийского послушника (*саманеры*) в полноправные монахи. Это происходит на территории того или иного монастыря в особом здании в присутствии совета почтенных, уже известных своей ученостью старших монахов. И выглядит как своего рода экзамен. Так вот, иногда приход такого искателя оформляется с особой торжественностью: саманера на некоторое время снимает послушническое одеяние, наряжается в «царские уборы» (фактически это современный вариант традиционного костюма сингальской кандийской знати; в такой наряд обычно облачается и сингальский жених, когда свадьбу устраивают по кандийскому, горному, образцу) и подъезжает к месту проведения обряда верхом на слоне. Затем, спустясь со слона, снова одевается послушником и вступает в здание, где проводится упасампада. В описанном моменте обряда (он, конечно, требует особых расходов и не является обязательным для каждого претендента, готовящегося вступить полноценным членом в монашескую общину) обыгрывается идея *чакравартина*, т.е. человека, отмеченного особыми знаками великого властителя, будь то светского или духовного. Такими знаками, по легенде, был отмечен уже при рождении и сам Будда. Вот один из вариантов подобного предания.

«Сиддхартха, ставший впоследствии Буддой, родился у Шуддходаны от его первой жены Махамайи, которую также называют Майя или Майядеви <...>

На сорок пятом году жизни Махамая, первая жена Шуддходаны, царя из Капилавасту, увидела странный сон. Она глубоко спала, и ей приснилось, что она видит, как совершенно белый слон, держа хоботом белый лотос, входит в ее чрево. Утром Махамая рассказала свой сон супругу. Царь пригласил шестьдесят четырех ученых брахманов на угощение, изрядно попотчевал их, а затем попросил истолковать сон царицы. Мудрецы подумали о возможном значении этого сна и единодушно выразили мнение, что сон означает зачатие царицей ребенка, и предсказали, что это будет мальчик. Услышав об этом, Шуддходана был несказанно рад, поскольку у него не было сына, и он ежедневно молился богам о его рождении.

И все случилось так, как было предсказано. Признаки беременности скоро стали явными, и царь приказал, чтобы придворные врачи ежедневно посещали царицу. Также ее охраняли и боги, поскольку плод ее чрева должен был стать Буддой. На дальнейших этапах беременности тело царицы стало прозрачным, и ребенок был отчетливо виден в ее чреве, “как изваяние в хрустальном сосуде”.

Когда последний месяц беременности подходил к концу, Махамая пожелала посетить дом своего отца в Девадахе. Шуддходана приказал, чтобы

дорога из Капилавасту в Девадаху была разровнена и украшена. Когда все было готово, Махамая отправилась в Девадаху в золотом паланкине. Путь ее пролегал по соседству с рощей деревьев сал — рощей Лумбини, и царица, увидев прекрасные деревья в цвету, захотела побыть немного в этой роще и сказала несущим паланкин слугам, чтобы те доставили ее туда. В роще, когда она наслаждалась запахом цветов, пением птиц и гудением пчел, ее поразила красота одной усыпанной цветами ветви. Ветка сама собой склонилась к ней, и, когда Махамая протянула руку, чтобы взяться за нее, в этот момент у нее без боли и выделений родился ребенок. Великий Брахма принял ребенка в золотую сеть; оттуда божества-хранители перенесли его на тигровую шкуру, а затем отдали придворным, которые завернули дитя в тончайшую и мягчайшую ткань. Но будущий Будда не нуждался в их помощи и сам прыгнул на землю. Там, где он коснулся ее, расцвел лотос. Он посмотрел на все четыре стороны, затем в четырех промежуточных направлениях, а также вверх и вниз и провидел, что все божества и люди готовы будут воспринять его высшую власть. Он прошел семь шагов на север, и каждый раз там, где его нога касалась земли, расцветал лотос <...>

Известие о рождении сына было принесено Шуддходане, и эта новость была объявлена народу барабанным боем. Говорят, что Будда, его будущая супруга Яшодхара, колесничий Чханна и его любимый конь Кантака, а также самый преданный из его учеников Ананда и само дерево Бодхи, под которым он в должный срок достиг просветления, родились в один и тот же день.

В этот день, когда родился Будда, один живущий в Гималаях мудрец имел видение богов, торжествующих по поводу рождения ребенка. Покинув свою обитель, находившуюся в глубокой глуши, отшельник пришел во дворец к Шуддходане. Царь приветствовал его, спрашивая, какой благой поступок он совершил, заслужив таким образом посещение его столь святым человеком. “О великий царь, — сказал тот, — я пришел взглянуть на твоего новорожденного сына”. И мудрецу показали ребенка.

Увидев ребенка, излучающего свет и наделенного всеми благими знаками, святой был переполнен глубоким восторгом. И он упал Будде в ноги, сложив перед грудью руки в приветственном жесте, и, обняв его, сказал: “Один из двух славных путей ожидает его в будущем, судя по знакам, которыми он наделен. Если он будет жить в миру, ему суждено стать великим царем, и установит он высшее господство над всей землей. Если же он отбросит мирское величие, признав его пустым, и выберет тихую жизнь и уйдет, оставив жену и дом, он достигнет состояния Будды”. И мудрец, горько заплакав по поводу своей старости, которая не позволит ему жить достаточно долго, чтобы быть свидетелем великих деяний чудесного младенца, попрощался с царем и отправился в свою гималайскую обитель» [Томас 2000, гл. 14; ср.: Gupta 1983: 31–34].

История и содержание сна Махамайи и в письменной, и в устной традициях нередко излагаются с несколько различающимися деталями и оттен-

ками. Например, мне монах рассказывал их в таких словах: «Царице пришло, будто белый слон несколько раз обошел вокруг нее, а затем вошел в ее чрево через правый бок. Понятно, что это символизировало зачатие чудесного дитяти». Еще в плане символики одни говорят, что в образе белого слона явился бодхисаттва, ожидавший своего рождения, пребывая на небесах Тушита, другие же называют его самим Буддой. Фактически в таких высказываниях нет противоречия, но, главное, так или иначе они устанавливают глубокую и непосредственную связь между образом слона и личностью основателя буддизма. Причем эта связь происходит и по линии его царского происхождения, и по собственно буддийской легенде.

Известно, что на севере Индии богатые женихи, бывает, приезжают за своими невестами на слонах, совсем как «цари» (для культуры народов Южной Азии вообще характерно символическое уподобление жениха и невесты в момент свадьбы царственной паре). Тем более любопытно отметить, что в свадебных обрядах у сингалов использовать слонов не принято. И это, безусловно связано с превалированием собственно буддийских идей в их ментальности.

Повсюду в Шри Ланке можно увидеть и изображения слонов. Начиная с сувенирных магазинов, где вам среди прочего обязательно предложат и отдельные фигурки слонов, красиво вырезанных из черного, розового, красного или иного дерева, или же «четверку» слоников, один меньше другого, чьи головы, спины и бока пышно разрисованы, изображая праздничное убранство слонов. Подобная четверка как раз символизирует перахяру, прежде всего именно кандийскую, так как в ней обязательны четыре основных слона: один везет Зуб Будды, а три другие — трех основных богов-покровителей, храмы которых находятся на территории этого кандийского монастыря.

Несомненно, слон — постоянный персонаж в различных видах традиционных искусств и ремесел сингалов, и здесь представлены не только современные, но и древние, и средневековые, и более поздние образцы. Его изображение мы встречаем и в скульптурном оформлении архитектурных сооружений, и в живописи, и в прикладном искусстве.

Слон может быть изображен и на ткани: это может быть тканый или печатный узор, либо в технике батика. С.И. Тюляев описывает, например, такой своеобразный старинный предмет: «Интересен и богато украшен ткаными изображениями кушак, принадлежавший высшему буддийскому монаху из Малватты, изготовленный в районе Ува. В горизонтальных поясах расположены вереницы следующих друг за другом слонов, лошадей, львов, сильно стилизованных птиц» [Тюляев 1974: 191]. К значению сопутствующих слону животных мы еще вернемся.

Слон может быть изображен или сам по себе, или везущим на себе реликвию, жреца или царя. Всякий «слоновый сувенир» — на счастье, так как это, разумеется, благоприятный символ. На мой взгляд, ланкийские сувенирные слоны не совсем похожи на индийских «собратьев» (в действительности

ланкийские слоны родственны индийским): они поприземистее, поплотнее, с более широкой спиной, хобот не обязательно поднят вверх, но особое внимание уделяется бивням. Однако это лишь самое общее наблюдение.

Изображения слонов с глубокой древности употреблялись в оформлении и украшении характерных буддийских архитектурных сооружений. Например, боковых стен платформ, на которых устанавливались ступы — важнейшие культовые объекты раннего буддизма. Так украшена, например, платформа одной из знаменитейших ступ древней столицы Ланки Анурадхапуры. Речь идет о ступе Руванвелидагаба, построенной во II в. до н.э. Боковые стороны ее платформы оканчиваются стенкой, «украшенной снаружи сплошным рядом скульптур слонов в виде протом: у них выступают из плоскости стены только головы с хоботами и передние ноги» [Там же: 26]. Стенка эта так и называется — *хастипракара*, то есть «слоновье сооружение».

Подобные (в виде протом) изображения слонов можно увидеть в наружных орнаментальных ярусах на стенах монастырских зданий, как старинных, так и современных. Практически они опоясывают их стены по периметру, исключая вход. Чаще всего такая полоса проходит в нижнем поясе, ближе к цоколю строения. Внутренняя идея этих орнаментально-конструктивных элементов заключена в следующем: конструкция (монастыря, платформы ступы) непосредственно поддерживается могучей силой этих мощных животных, а в переносном смысле — на них опирается и само буддийское учение. Иногда такую же роль играют барельефные полосы с изображением мифических карликов, которым тоже приписывается необычайная сила.

Изображения слона встречаются и на древних стелах, и на знаменитых «лунных камнях» — рельефных полукружьях, украшающих обычно вход на лестницы, ведущие к святыням. На «лунных камнях» обычно присутствует несколько рядов (тоже идущих полукружьями), в которых изображаются символически благоприятные животные и другие объекты: кроме слонов это еще кони, «золотые гуси/лебеди» (*суварна-ханса*), львы, цветы лотоса. Все это магически «очистительные» и охранительные символы.

Известно на Ланке и искусство резьбы по слоновой кости. В древние времена этот материал употреблялся местными жителями для изображения буддийских персонажей, украшения деталей храмов и царских аксессуаров, для аптекарских сосудов, женских украшений (прежде всего гребней, сопровождавшихся изображениями богинь). Среди знаменитых мастеров этого ремесла бывали даже цари. Позже (особенно с эпохи европейской колонизации) стали изготавливать ларцы, шкатулки с рельефным узором, отдельные фигурки слонов, набалдашники для тростей, ножи для разрезания бумаги. Сейчас гляжу на такой ножик: плоской фигуркой слона завершается его небольшая ручка, и по краю, противоположному «лезвию», идет цепочка из мелких (и еще последовательно уменьшающихся) слоников; по счету их 9 (бывает и 11) — счастливое, по сингальским понятиям, число. Сразу вспо-

минаются наши европейские бабушкины-прабабушкины слоники: у кого на комодах — до семи белых каменных фигурок, а у кого-то и вырезанные в деревянных спинках диванов. Кто от кого позаимствовал?

Вернемся, однако, к собственно буддийской легендарной истории и мифологии. В истории жизни Будды слон появляется еще как минимум в двух эпизодах.

Когда царевичу Сиддхартхе было шестнадцать лет, начались приготовления к его женитьбе. Шуддходана, отец Сиддхартхи, выбрал для него девушку по имени Яшодхара, дочь Дандапани, вождя шакьев. Но Дандапани не отдал бы свою дочь за того, кто не был воином, поэтому Сиддхартхе необходимо было, сразившись с соперниками, доказать свои силу и мастерство во владении воинскими искусствами. По этой причине и были устроены состязания. У будущего Будды был ревнивый завистник и соперник по имени Девадатта (по буддийским легендам, он считается родственником, иногда даже двоюродным братом Сиддхартхи).

«В назначенный день Девадатта должен был первым появиться на арене для состязаний. Он был вне себя от зависти, и, увидев большого белого слона, которого привели в город, схватил его за хобот левой рукой и одним ударом правой руки убил, чтобы показать свою силу. После Девадатты вышел царевич Сундарананда, который спросил у толпы, кто убил слона. Люди назвали имя Девадатты. “Это злое деяние Девадатты”, — воскликнул тот и, схватив рукой тушу слона за хвост, вышвырнул ее за городские ворота. Затем пришел Сиддхартха, который тоже спросил о том, кто убил слона. “Девадатта”, — также ответили ему. “Дурное деяние совершил Девадатта”, — сказал будущий Будда. “А кто выбросил тушу слона за ворота?”, — спросил он затем. “Сундарананда”, — ответили ему. “Это хороший поступок, — сказал он. — Но все же туша этого слона настолько огромна, что, начав разлагаться, она наполнит зловонием весь город”. Тогда, не сходя с колесницы, Сиддхартха опустил ногу вниз и, подцепив слона за хвост пальцем большой ноги, перекинул его за семь стен и семь рвов города, и туша упала на землю в двух милях от города» [Томас 2000, гл. 14]. Так, через образ слона, еще раз описывается сверхобычное физическое могущество будущего Будды.

Как свидетельствуют предания, на жизнь Будды было совершено три покушения. Все они были подстроены Девадаттой. Этому последнему приписывают множество злодеяний. Он достиг великих способностей и даже получил оккультные знания, а также различные материальные блага путем аскезы и различных интриг. У него было также немало учеников. «Он смог втереться в доверие к царевичу Аджаташатру, и последний по наущению Девадатты убил отца и захватил трон. Как только Аджаташатру стал царем, Девадатта попросил у него тридцать одного человека для совершения задуманного им злодейского преступления. Он направил одного из них убить Будду, двух — чтобы убить убившего, четырех, чтобы те прикончили этих, восемь — для убийства последних четырех, а оставшиеся

шестнадцать были посланы на убийство тех восьмерых. С последними он собирался разделаться сам, сохранив таким образом все в секрете. Но все предполагаемые убийцы, увидев Будду и услышав его проповеди, сделались его учениками и остались жить при нем.

В другой раз, когда Будда прогуливался у подножья скалы, Девадатта обрушил на него огромный камень. Будда едва избежал верной смерти, но камень, расколовшись пополам, упал таким образом, что лишь слегка повредил ему ногу» [Там же].

И еще раз Девадатта покушался на жизнь Будды. Он напоил свирепого слона Малагири изрядной долей пьянящего напитка и выпустил его на тропу, по которой Будда направлялся за сбором подаяний. Братья-монахи испугались и умоляли Будду спастись бегством, но, поскольку он не принял их увещания, они решили защитить его, окружив кольцом собственных тел. Но Будда властно приказал всем оставаться на своих местах. Все же любимый его ученик Ананда хотел выйти впереди Будды и встретить взбесившееся животное лицом к лицу, но его вдруг точно разбил паралич, он не мог даже двинуться с места.

Приближаясь к Будде, слон увидел на своем пути ребенка и уже был готов наброситься на него, но Будда твердо приказал ему оставить ребенка в покое. Повинуясь этому приказу, слон оставил ребенка и бросился бегом к Будде. Однако, приблизившись к нему, он внезапно присмирел, ярость его утихла, и он тихонько приблизился к Будде и преклонил пред ним колена. Тогда Будда прочитал ему проповедь, и слон пять раз повторил пять заповедей, предложенных Буддой для всех людей [Там же].

Слон упоминается и в джатаках — историях прежних рождений Будды. В джатаке о царе Вессантаре, например, он выступает как одно из богатств царя, которые тот самоотверженно уступает другим. Но в одной из джатак слон становится главным героем, т.е. одним из прежних воплощений Будды. Слон этот тоже был белого цвета, отличался огромными размерами и имел шесть бивней. Приведем один из пересказов этой джатаки.

«В одной из долин в Гималаях раскинулось прекрасное озеро. Оно было окружено семью лесами с цветущими деревьями и другими растениями. За ними были семь гор, из которых самой дальней и самой высокой была Золотая гора. В Золотой горе была большая пещера под названием Золотая пещера, и в ней обитало стадо из восьми тысяч слонов, вожаком которых был бодхисаттва. Он был ослепительно белого цвета, и рост его составлял восемьдесят восемь ладоней, а в длину он был сто двадцать ладоней. У него был серебряный хобот и шесть бивней разного цвета. Звали его Чхаданта.

У Чхаданты было две жены, Чулласубхадха и Махасубхадха, первая из которых завидовала второй. Однажды, когда белый слон с двумя своими женами, идущими по обе стороны от него, бродили в роще деревьев сал, он потряс своим хоботом ветку со множеством цветов, и случилось так, что все цветы упали на Махасубхадху, а сухие веточки и красные муравьи попали на Чулласубхадху. Последняя приняла это близко к сердцу и поду-

мала про себя: “Он бросает мертвые листья, сучки и красных муравьев на меня, а прекрасными ароматными цветами осыпает супругу, которая, значит, больше дорога ему”.

В другой раз, когда слоны играли под баньяновым деревом, которое росло вблизи озера, один из них увидел в воде прекрасный лотос, сорвал его и преподнес бодхисаттве, а тот подарил его Махасубхадхе. Чулласубхадха не смогла пережить такой обиды и решила отомстить. Однажды, когда бодхисаттва принимал у себя святых мудрецов, Чулласубхадха тоже подала им пищу и обратилась к ним с тайной молитвой о том, чтобы она в следующем рождении стала дочерью царя Мадхи. Вскоре после этого она умерла и снова родилась как дочь этого царя. Она выросла, стала прекрасной девушкой, и ее отдали в жены царю Бенареса. Царь очень любил свою молодую жену. Однажды она попросила, чтобы он исполнил ее заветное желание. Царь сказал, что выполнит все, чего она хочет, и она попросила его пригласить ко двору всех охотников, которые были в царстве.

Так и было сделано, и, когда они собрались, царица выбрала для цели, которую она замыслила, человека по имени Сонуттара, отличавшегося огромным ростом и свирепым взглядом. Наедине она сказала ему: “Возле одного озера в гималайских лесах живет белый слон с шестью бивнями. Ты должен пойти туда и принести мне его бивни. Если ты выполнишь это, я щедро вознагражу тебя”.

Охотник согласился выполнить ее распоряжение, и царица дала ему все, что было необходимо, — снаряжение, провизию, спутников, для того чтобы он мог пойти за семь гор и поймать слона. И Сонуттара в сопровождении армии охотников направился в леса Гималаев. Но все, кто сопровождал его, погибли, и лишь он один достиг гор. Горы были высокими, а леса непроходимыми, и ему потребовалось семь лет, семь месяцев и семь дней, чтобы достичь озера. Наконец он добрался до озера, увидел стадо слонов и заметил место, где прогуливался белый слон. Ожидая, когда слоны будут возвращаться вечером, он вырыл яму на пути, по которому тот обычно ходил, и, накрыв ее травой и листьями, сам спрятался на дереве. На следующий день, когда белый слон проходил по этому пути и упал в яму, Сонуттара поразил его стрелами. Чхаданта, мучимый болью, громко застонал, и стадо убежало прочь.

Когда все слоны убежали, Сонуттара слез с дерева и приблизился к яме. Бодхисаттва спросил его, почему тот хочет убить его. “Потому что царица Бенареса хочет получить твои бивни”, — ответил охотник. Тут бодхисаттва понял, кто такая эта царица Бенареса, но не возмутился ее требованию, а напротив, предложил охотнику скорее отрубить его бивни. Сонуттара с трудом мог дотянуться до бивней Чхаданты из-за его огромного роста. Тогда бодхисаттва разрешил ему взобраться по его хоботу чтобы сделать это. Однако оказалось, что бивни слона были твердыми как железо, и Сонуттара не мог отпилить их. Тогда бодхисаттва взял пилу из его рук и хоботом, страдая от невыносимой боли, сам отпилил себе бивни и отдал их охотни-

ку. Сделав это, он упал в лужу собственной крови и умер. Сонуттара отнес бивни царице Бенареса и рассказал ей о смерти бодхисаттвы. Когда царица увидела бивни и услышала рассказ охотника, она вспомнила те счастливые дни, что она когда-то провела со своим возлюбленным супругом Чхадантой. Это разбило ей сердце, и она в тот же день скончалась» [Там же].

В этом сказании, как видим, через образ необыкновенного слона выражается идея бесконечного духовного могущества будущего Будды.

Любопытно проследить, каким предстает слон в сюжетах и понятиях народных сингальских сказок. Надо сказать, что слон фигурирует в них гораздо реже многих других животных. Гораздо чаще встречаемся мы здесь с шакалом, черепахой, леопардом, оленем, львом, вороной. Возникают также среди действующих сказочных животных бык, коза, медведь, даже хамелеон и крабы. В волшебных сказках слон практически не встречается, он фигурирует обычно в сказках о животных, в бытовых сказках, баснях и быличках.

Не слишком разнообразен и контекст, в котором в сказках действует слон. Конечно, иногда он выступает (что вполне традиционно) как символ царственного достоинства, могущества и богатства. Цари ездят на слонах, распоряжаются ими, дарят их. Слон как товар, безусловно, дороже лошади [Сингальские сказки 1985: 459–460]. Упоминается слон и на поле битвы [Там же: 433].

Сравнительно часто слон называется как мера «веса» или, точнее, количества богатств: обычно царь за какое-нибудь трудное дело обещает добровольцу, который согласится пойти на геройский поступок, дать «столько добра, сколько сможет унести слон» (плюс еще, как правило, и провинцию во владение) [Там же: 192 и др.]. В отдельных эпизодах речь идет о туше мертвого слона как образце огромного количества пищи (для шакала) [Там же: 50 и др.].

Слон, конечно, признается как величественное и мощное животное. Он может легким движением убить ракшаса (демона) [Там же: 327–328]. Силу слонов используют на различных работах, например, чтобы утрамбовать землю [Там же: 167]. Иногда для таких целей слонов дают «напрокат» [Там же: 476]. Слонов применяют для осуществления казни: слон пронзает бивнями и растаптывает преступников и неугодных царю людей [Там же: 332, 483]. В сказке о зазнавшемся шакале, который захотел стать царем зверей, о слоне говорится, что он могучий и сильный. Но все же, утверждается далее, он не может стать царем в лесу, потому что «не рожден для этого» [Там же: 83–84]. Царем может быть только лев. Тем не менее в конце сказки с глупым и самонадеянным шакалом расправляется именно слон, всего лишь только легонько наступив на него. Однако хитростью и с умом можно погубить и такого верзилу. В сказке о самочке жаворонка рассказывается, как маленькая птичка расправилась со слоном, который случайно раздавил ее гнездышко, подстроив дело так, что он упал в колодец. Помогали же ей тоже мелкие твари: лягушка, ворона, пчела.

В то же время в волшебной сказке о великанах для пушей масштабности слон выступает в качестве наживки при рыбной ловле [Там же: 223]. В комическом анекдоте о Восточном и Западном Лгунах (построенном по типу «небывальщины») один из героев завязывает в свой узелок стадо слонов, а в стаде было больше ста голов. «Отбежав подальше, он развернул узелок, смотрит — а в узелке только две вши. Одну зовут Дыня, другую — Тыква. Они съели всех слонов» [Там же: 506].

Иногда слонам приписывают тонкий музыкальный слух, например в сказке о принце, который играл на волшебной вине и звуками музыки очаровывал (подманивал) слонов и слоних [Там же: 347]. Молоко слонихи (как и некоторых других животных) считается целебным [Там же: 319].

В сказке о наемном погонщике слонов возникает образ царя слонов, обладающего богатствами и даром ясновидения [Там же: 326–328].

Выступают в сказках слоны и в мероприятиях обрядового характера. Царь на разукрашенном слоне объезжает город, свои владения [Там же: 99–100]. Это отражение реального и распространенного обычая и магического защитного ритуала. Описывается также интересный древний обычай выбора царя в случае отсутствия наследника трона именно с помощью слона. «Некому было передать правление, поэтому министры возложили царские регалии на спину слону и пустили его бродить по улицам города под бой барабанов. <...> Слон подошел к дому вдовы и опустился перед царевичем (несправедливо изгнанным родным отцом из собственного царства и живущим в чужом месте под видом бедняка. — *Н.К.*) на колени. Царевич сел на спину слону, надел корону, взял в руки скипетр и приехал во дворец» [Там же: 167–168]. «Прошло семь дней с тех пор, как умер царь этой страны. Наследников у него не было, и потому министры определили по гороскопу благоприятный день для выбора нового царя и отправили празднично украшенного слона бродить по городу. На рассвете они выпустили слона, и он напрямик направился к Высокому (имя доброго, честного крестьянина, одного из героев сказки, в отличие от его коварного противника по имени Низкий. — *Н.К.*) и преклонил пред ним колени. Люди, отказавшиеся пустить его на ночлег, подбежали к нему, пали ниц и стали просить прощения. Министры выкупали Высокого в благовониях, надели на него дорогие одежды и украшения, посадили на слона и торжественно отвезли во дворец. Новый царь хорошо знал людские беды и печали и поэтому управлял страной справедливо» [Там же: 229]. В одной из сказок слон «избирает на трон» царевну [Там же: 244]. А в другой — бедняка, который жил тем, что вялил рыбу: «Царь умер, наследника у него не было, и поэтому, согласно обычаю, празднично украсили слона, положили ему на спину корону и пустили бродить по стране. Слон подошел к бедняку и опустился перед ним на колени. Старик взобрался слону на спину, приехал во дворец, и его короновали» [Там же: 359]. Иногда выбор слона приходится и на дурака (простака) [Там же: 460].

В разных сказках проявляется и очень трезвое практическое знание природы слонов. Диких слонов побаиваются [Там же: 177, 466, 468], опасаются

вреда от них. «На город совершал набеги дикий слон. Он разрушал дома и убивал жителей. <...> Все жители города и сам царь на ночь уходили в лес и прятались в пещерах. Днем они возвращались в город, восстанавливали дома, а царь выслушивал дела в суде. С наступлением вечера все опять покидали город. Царь приказал объявить под бой барабанов, что тому, кто убьет слона, он отдаст полцарства и выдаст за него свою дочь» [Там же: 297]. Таким образом, в этом контексте слон выступает чуть ли не в роли демона. А в одной из сказок повествуется даже о слоне-вредителе, спустившемся прямо с небес: «Ночью из мира богов спустился на поле слон, съел часть проса, а еще больше потоптал и разбросал» [Там же: 469]. Правда, эта сказка из разряда небывальщины и высмеивает глупость деревенского старосты, который хотел вместе с женой, которая держалась за него, ухватившись за хвост чудесного слона, прямым путем попасть в мир богов, но по дороге на небо развел руки, чтобы показать жене, какие там будут мерки для зерна, и соответственно вместе с ней рухнул на землю [Там же: 470].

Упоминают о типичной опасности для слонов — возможности попадания в его хобот мелкого животного [Там же: 108–109].

Из мифических персонажей следует еще обратить внимание на весьма необычный и загадочный — «слоноорла» (по-сингальски *эт-канда лихини*). Существует выражение «увидеть птенцов слонорла», которое означает нечто совершенно несбыточное. Некоторые исследователи предполагают, что это огромная сказочная птица типа Рух [Там же: 519]. В сказке о птенцах слонорла птица-мать кормит их именно слонами [Там же: 170]. Нам, однако, встречались изображения (например, небольшое деревянное резное панно) существа, выглядящего как птица со слоновьей головой (причем телом птица скорее похожа на гуся, чем на орла) и имеющего как будто бы то же самое название.

Так или иначе, очевидно, что культурные представления сингалов о привычном для них животном не одноплановы, разнообразны и восходят к различным историческим эпохам, а также к богатому практическому опыту. Это животное, хотя с ним и связаны различные символические ассоциации, весьма реально для жителей Шри Ланки.

Библиография

Нокс Р. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век / Пер. с англ. яз., предисл. и коммент. Н.Г. Краснодемьской. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.

Томас П. Легенды, мифы и эпос древней Индии / Пер. с англ. яз., вступит. ст. Н.Г. Краснодемьской. СПб.: Евразия, 2000.

Сингальские сказки / Сост., пер. с сингал. и англ. яз. и примеч. Б.М. Волхонского и О.М. Солнцевой; Предисл. О.М. Солнцевой. М.: Наука, 1985.

Тюляев С.И. Искусство Шри Ланки. Древний и средневековый период. М.: Искусство, 1974.

Gupta S.K. Elephant in Indian art and mythology / Foreword by Smt. Indira Gandhi. New Delhi: Abhinav Publications, 1983.